

Небо всё ещё оставалось серым.

Кун Чжимин нёс фонарь. За ним шли несколько десятков человек. Полы чиновничьих одежд скользили по мху на каменных плитах, собирая с дороги пятна старой почерневшей крови.

Впереди находилось Управление императорских конюшен при Ведомстве императорских конюшен.

— Управляющий Хэ.

Кун Чжимин встряхнул рукавом, вытер выступивший на лбу пот и развернул свиток.

Вокруг горели тусклые фонари. Сургучную печать на документе поддели маленьким ножом.

Кун Чжимин улыбнулся.

— Срочный приказ командующего столичной стражей. Сейчас день рождения князя, в Цюэцзине много приезжих чиновников. Двенадцати караулам императорского города требуется усилить конные патрули.

Хэ Шоу принял свиток. Пальцы прошли по ещё заметным чернильным следам. Он подозрительно посмотрел на документ.

— Если речь об усилении патрулей, зачем использовать лошадей Наньцзяна?

— Разве глава Палаты не приказал вчера ночью запереть их в конюшнях?

Кун Чжимин постучал пальцем по свитку, словно напоминая очевидное.

— Наньцзянских лошадей временно держат именно у вас. В ближайшие дни их собирались отправить к придворным лекарям для осмотра.

Из-за его спины вышел мужчина с серьгой в ухе. На местного он не походил, однако говорил на безупречном официальном наречии Дачана.

— Как раз удачно: сегодня все придворные лекари находятся на банкете в княжеской резиденции. Сейчас ещё не закончился час Кролика. Если отвести лошадей туда, получить подписи лекарей и вернуться, к часу Дракона остальные животные как раз успеют войти в состав патрулей.

Он ещё не договорил, как несколько вооружённых офицеров внутри конюшенного двора резко поднялись.

Крепкие фигуры встали между двумя группами людей.

— Странно выходит! — рявкнул один. — Палата церемоний только вчера ночью задержала этих лошадей, а утром их уже так спешат отправить в княжескую резиденцию?

Чжан У сжал рукоять сабли и холодно нахмурился.

— Чего на самом деле добивается командующий Девятью вратами?

Кун Чжимин посмотрел на блеснувшее у его пояса белое лезвие и незаметно отступил на пару шагов.

— Это также воля канцлера Цуя.

Цуй Юань.

Отец нынешней вдовствующей императрицы.

На руке Чжан У, сжимавшей рукоять, вздулись вены. Он явно раздражался, но всё же ждал, какое объяснение ему предложат.

— Именно потому, что задержание вызвало подозрения, животных и следует проверить при свидетелях.

Фонарь в руке Кун Чжимина качнулся, разбрасывая по земле рваные пятна света.

Он жестом подозвал человека сзади. Тот вынул из рукава запечатанный журнал, открыл нужную страницу и подал Хэ Шоу.

— Шестнадцать лошадей из западного двора. Вчера глава Палаты лично отметил: «сомнительные, ожидать проверки». Верно?

Хэ Шоу внимательно просмотрел запись.

Ничего неправильного не обнаружил. А если за этим действительно стоял канцлер Цуй, решение становилось ещё сложнее.

В конце концов он всё же приказал пропустить людей.

— Придворные лекари сейчас как раз проверяют наньцзянское подношение вина, — с улыбкой сказал Кун Чжимин.

Узкие треугольные глаза чуть прищурились. Он повёл людей к боковому двору.

— Если лошади действительно заражены колдовством или гу, разве не лучше заставить их показать это прямо перед сотнями чиновников?

Из глубины конюшен послышался звон снимаемых цепей.

Несколько горячих коней подняли головы и заржали. Их глаза налились кровью. Животных вывели наружу и погнали из управления.

Ночной ветер донёс далёкую вонь крови и гнили.

Хэ Шоу сам не понял почему, но вдруг тяжело опустился на короткую скамью и прижал ладонь к бешено колотящемуся сердцу.

Спина мгновенно покрылась холодным потом.

До слуха донёсся чистый звон серебряных украшений.

Чжао Нань сидел на своём месте и поднял глаза.

Первый мужчина, вошедший вместе с посольством, сразу привлёк его внимание.

На нём было множество характерных наньцзянских серебряных украшений. Лоб перехватывала серебристая повязка, похожая на рыбью чешую, а концы волос были заплетены в маленькие косы, покачивавшиеся при каждом шаге.

Черты лица казались холодными, в глазах открыто читались насмешка и презрение.

Чжао Нань совершенно не помнил этого человека и только почувствовал необъяснимую неприязнь.

После истории с гу он вообще не испытывал особой любви к «землякам».

Но мужчина взгляда не отвёл.

Он уставился прямо на Чжао Наня и беззвучно произнёс два слова.

Кажется, на наньцзянском языке.

Чжао Нань не понял ни одного.

Он опустил глаза, немного задумался — и услышал, как церемониальный распорядитель громче объявляет:

— Подношения!

Приближался полдень.

Ещё час назад Чжао Нань уже начал засыпать прямо за столом. Стоило ему ненадолго прикрыть глаза, как Фухай тихонько подошёл и отвёл его в спальные покои отдыхать.

Теперь Чжао Нань проснулся и направлялся обратно в главный банкетный зал.

У выхода он случайно встретил Лоу Чжоу.

Лицо у того было нехорошим, шаг — быстрым, но, увидев Чжао Наня, он всё равно остановился и поклонился.

— Его Величество прибыл лично и уже сидит в зале.

— Княжеский супруг желает войти и приветствовать государя?

Внутри стояла почти абсолютная тишина. По всему было видно: обсуждали что-то важное.

Чжао Нань понял намёк и замахал рукой.

— Не надо. А у тебя что случилось? Куда спешишь?

— Лошадей, которых князь приказал застрелить, кто-то вывел из Управления императорских конюшен.

— Простите, господин. Мне необходимо идти.

Лоу Чжоу говорил очень быстро. Очевидно, только что получил приказ. Он сложил руки, поклонился и широким шагом ушёл.

Почти в тот же момент из зала раздался чужой голос:

— Наньцзянские миазмы губят поля, шаманские яды вьедаются в кости. Из десяти подданных один-два уже охвачены болезнью. На пастбищах Цзянцзин растёт множество лекарственных трав. Если Его Величество передаст эти земли нашему племени, наш князь обещает десять лет не тревожить границу.

В огромном зале стало так тихо, что можно было услышать падение иглы.

Долго никто не отвечал.

Затем раздался твёрдый мужской голос.

— В третий год Цинцзина император Цяньу отбросил южных варваров на пятьсот ли и поил коней на берегах Цзянцзина, — произнёс Ли Сюжань.

Он опирался на золотой императорский трон. Глаза были глубокими, а болезненно-бледное лицо под дневным светом казалось особенно слабым.

— Если сегодня я отдам хотя бы цунь земли, разве не предам заслуги предков?

— Зачем Вашему Величеству цепляться за такие мелочи?

Посланник перебил его и чуть прищурился. Палец постучал по рукояти изогнутой сабли в форме змеи.

— В Наньцзяне сто тысяч жрецов и бесчисленные разновидности гу. Если сегодня договориться не удастся...

— А если не удастся — что тогда?!

Ли Сюжань ударил ладонью по столу и поднялся с трона.

— Аппетит князя Наньмина бездонен! Одного пастбища ему наверняка мало. Может, вы ещё снимете мою голову и преподнесёте ему в качестве поздравительного подарка?!

Император разгневался.

Придворные в зале мгновенно замолкли. Сотни людей, придерживая чиновничьи шапки, опустились на колени.

Наньцзянская делегация давила и почти открыто угрожала. Ли Сюжань и без того был в ярости, а при мысли о том, как партия Цуй Юаня снова и снова уступала в этом вопросе, злость только усилилась.

Всю жизнь ему приходилось смотреть на лица вдовствующей императрицы и её людей.

Теперь, выплеснув накопившееся, он неожиданно почувствовал облегчение.

Ли Сюжань тяжело выдохнул, опёрся на руку протянувшего ладонь евнуха и вдруг закрыл глаза.

— Цзюэчжи.

Остался слышен лишь мерный звук капель в водяных часах.

— Восьмидесяти ли пастбищ нет, — спокойно ответил Фу Цзюэчжи, лениво растирая пальцы. — Зато тридцать тысяч воинов в железных доспехах на границе у нас найдутся в избытке.

Лицо посланника посинело и побелело одновременно. Кубок в руке с грохотом упал.

— Дачан хочет войны?

Фу Цзюэчжи нахмурил длинные брови и улыбнулся.

— Хотите пастбища — приходите и забирайте. Заодно прихватите всех своих змей, насекомых и крыс.

В чёрных глазах словно лежал иней.

Он встретился взглядом с Ли Сюжанем на возвышении, а затем резко поднял руку.

— Взять их!

Ждавшая у входа императорская стража хлынула внутрь.

Холодные белые клинки рассекли толпу, и прежде чем кто-либо успел среагировать, нескольких наньцзянских посланников уже прижали к земле длинными древками оружия.

В зале сохранялся удивительный порядок.

Но неизвестно кто вдруг свистнул в костяной свисток.

Пронзительный звук прорезал шум толпы.

И сразу же послышалось бешеное ржание.

От него волосы вставали дыбом.

— Защитить государя!

Через ворота княжеской резиденции прорвались охваченные пламенем лошади.

В грудь каждой торчало по восемь-девять стрел. Огонь с гривы перекинулся на оперение стрел, густой дым закрывал налитые кровью чёрные глаза.

Под кожей животных извивались и перекатывались черви гу.

Лошади в муках ревели и, стуча железными копытами, неслись напролом.

Там, где они проходили, вспыхивал огонь, а раскалённый воздух дрожал и искажался.

— Защитить государя!

Крики раздались со всех сторон.

В голове Фу Цзюэчжи мгновенно мелькнула одна мысль.

Он резко нахмурился, развернулся и быстрым шагом пошёл к выходу из зала.

Высокая фигура, алая длинная одежда, которая в отсветах пожара казалась цветом свежей крови.

Но от самого человека веяло лишь холодом и убийственной жёсткостью.

Горящее масло с лошадей капало на землю и продолжало полыхать.

Фу Цзюэчжи остановился у павильона над водой, где обычно сидел Чжао Нань.

В огненном свете выражение его лица стало почти болезненно мрачным.

— А где княжеский супруг?

<http://bllate.org/book/19943/1983925>